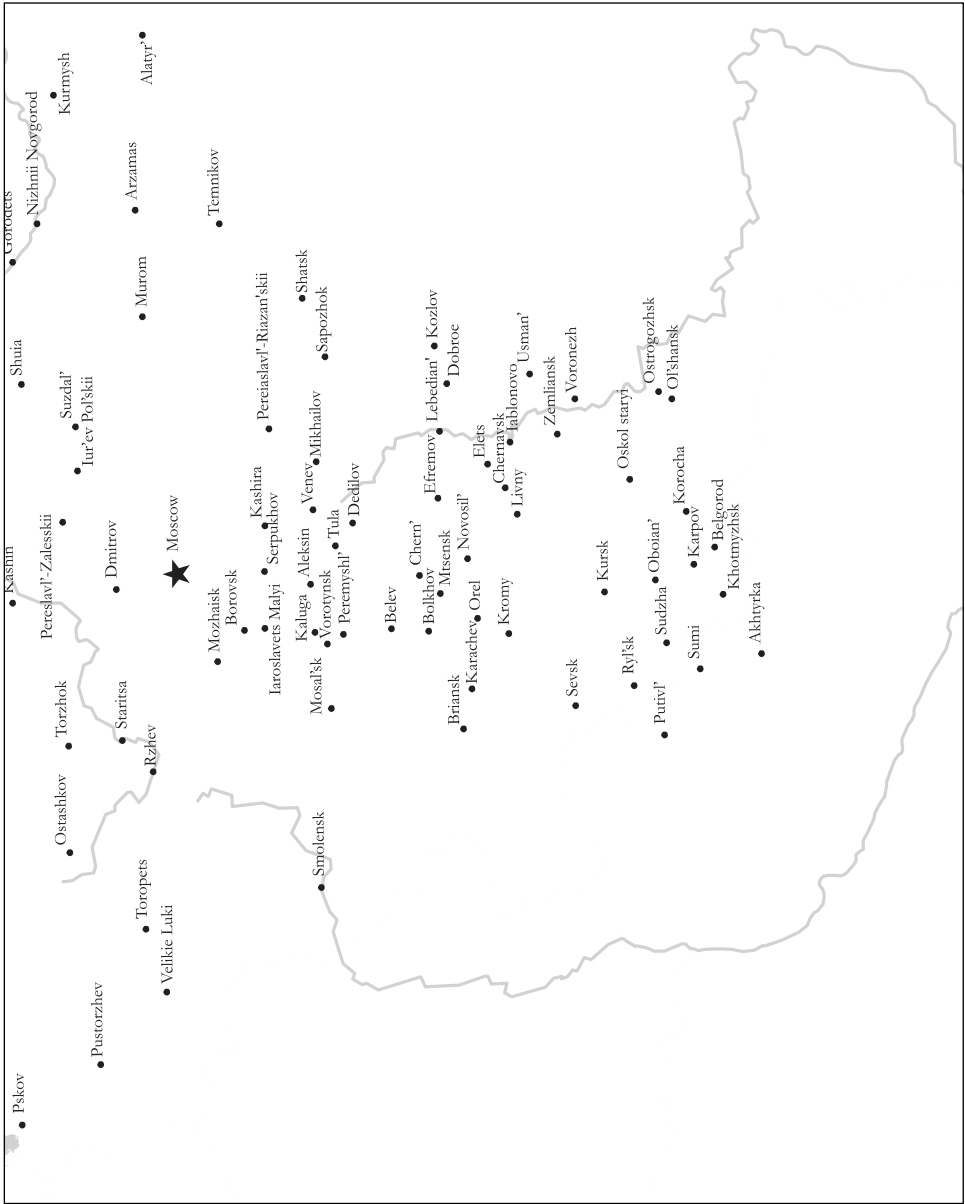

*С любовью и благодарностью
Я посвящаю эту книгу
Мирону и Линн Хофер
И моим тетушкам, Нине Ауэрбах и Элли Палэ*

Карта Европейской части России, показывающая места совершения судов по обвинениям в кодовстве

Карта Сибири, показывающая места совершения судов по обвинениям в колдовстве

Слова благодарности

При работе над таким долгим проектом как этот, исследователь оказывается в долгу перед многими, и трудно удержать в памяти всех причастных. Я хотела упомянуть каждого и поблагодарить всех людей и все учреждения, поспособствовавшие завершению этого труда.

Я начала задумываться о труде, посвященном русскому колдовству, во время поездки в Москву, когда собирала материалы для своей диссертации, и не оставляла мыслей об этом проекте на протяжении нескольких десятилетий. Поэтому я должна поблагодарить своих друзей и учителей из Стэнфорда, воодушевлявших и наставлявших меня, и прежде всего — Нэнси Шилдз Колманн, продолжающую делать то и другое.

Из живущих в России я обязана в первую очередь поблагодарить неутомимую Ольгу Кошелеву, которая прилагала невероятные усилия, находя и сканируя документы, давая советы, снабжая меня ссылками и помогая переводить трудные места, и сотрудников РГАДА, особенно Андрея Булычева, ответившего на множество моих запросов. Мне очень помогло живое общение с российскими исследователями колдовства, проживающими в Москве, — Е. Б. Смилянкой, А. Л. Топорковым и А. В. Чернецовым, которые стали моими хорошими друзьями.

Исследователи русского колдовства есть и в других странах, и я рада, что мне довелось познакомиться со многими из них. В особенности мне хотелось бы поблагодарить великодушного и многознающего Уилла Райана. Спасибо Александру Лаврову, организатору симпозиума по русскому колдовству (Париж, лето 2009 года) — не только за сам симпозиум, но и за архивные выписки, выводы и предположения, которыми он щедро делился со

мной. Я провела много часов, дискутируя с ним и другими учеными, интересующимися этой темой, — Катериной Дысой, Ив Левин, Еленой Смилянкой и Кристиной Воробец. Все эти дискуссии нашли отражение в моей книге. Кристине Воробец я признательна, помимо прочего, за внимательное чтение рукописи.

Другие мои коллеги также знакомились с рукописью или ее частями, некоторые — по несколько раз. За великодушие, доброе расположение и меткие критические замечания я благодарна Хуссейну Фэнси, Дэвиду Голдфренку, Бобу Грину, Сью Джастер, Нэнси Коллманн, Лесли Пинкасу, Хельмуту Пуффу, Майклу Макдональду, Гэри Маркеру, Паоло Скуатрити и Элизе Виртшафтер.

Тех, кто высказывал ценные идеи и давал полезные советы в беседах со мной или в ответах на мои многочисленные выступления, слишком много, чтобы я могла перечислить здесь всех. Назову, однако, некоторых: Брайан и Элена Бук, Джейн Бербанк, Пол Бушкович, Никос Хрисидис, Стюарт Кларк, Майкл Флайер, Майкл Дэвид-Фокс, Шон Хенретта, Жан Эббар, Дэн Кайзер, Кэрол Карлсен, Уэбб Кин, Майкл Ходарковский, Ричард Кикхедер, Эрик Мидлфорт, Клаудио Ингерфлом-Нун, Майкл Остлинг, Дон Островски, Дэн Роулэнд, Ребекка Скотт, Дэн Смейл, Лора Стокс, Чарльз Зика. Брайан Левак поддержал меня, когда я только начала заниматься темой колдовства. Большой удачей оказалось то, что на протяжении многих лет я читала курсы по различным проблемам, связанным с колдовством. Мне хотелось бы поблагодарить всех студентов, слушавших эти лекции, и аспирантов, помогавших мне с преподаванием. Среди последних выделю Джона Шейхина, чьи философские соображения послужили основой для нашей совместной статьи, и Лиэнн Уилсон, прекрасную собеседницу. Как и всегда, мне оказывала содействие Джоан Нойбергер, путешествуя со мной повсюду — от неухоженных московских квартир до Нового Орлеана с его пончиками и вдохновляющей атмосферой. Рон Сьюни выслушал от меня слишком много рассуждений о колдовстве — куда больше, чем хотел бы услышать любой на его месте, тем более специалист по политическим наукам.

Джон Хилл и Карл Лонсрет провели много часов, составляя карты для книги. Тим Хофер, университетский специалист по статистике и компьютерам, помог мне избежать многих опасностей, связанных с базами данных. Ребекка Хофер составила превосходный хронологический список колдовских процессов. Джон Экерман из Корнеллского университета откликнулся на мое предложение, сделанное в самом начале работы, с обычной для него открытостью и проницательностью. Благодарю его за помощь в процессе издания книги.

Русский перевод моей книги заслуживает нового списка благодарностей. Я признательна Игорю Немировскому за приглашение опубликовать мою книгу в Academic Studies Press, сотрудникам издательства Ксении Тверьянович и Ирине Знаешевой, Владимиру Петрову, который проделал героическую работу по переводу моей книги на русский язык, Роману Рудницкому и Федору Максимовичу за внимательное чтение и предложения.

Работа над этим исследованием, включая поездки, была бы невозможна без щедрой помощи Национального фонда поддержки гуманитарных наук и Совета по международным исследованиям и обмену (IREX), а также различных подразделений Университета Мичигана: Кабинета по исследованиям при вице-президенте университета, Колледжа литературы, наук и искусств, Факультета истории, Центра русских, восточноевропейских и евразийских исследований, и в особенности — Института гуманитарных наук, где я провела один из наиболее интеллектуально насыщенных годов своей карьеры в компании энергичных исследователей.

Выражаю благодарность своей замечательной семье, своим чудесным энергичным теткам Нине Ауэрбах и Элли Пэлейс, блестящим родственникам моего мужа Линн и Майрону Хоферу, своим дочерям Ребекке, Лейле и Тамар, выросшим за то время, пока я зарывалась в свои заметки и глядела на экран компьютера, своему брату Стиву, стойкому слушателю, своей матери Маргарет Кивельсон, космофизику по специальности, находившей время читать все, что я посылала ей. И спасибо моей счастливой звезде за Тима.

В книге, с разрешения издателей, воспроизводятся в переработанном виде фрагменты следующих статей:

Caught in the Act: An Illustration of Erotic Magic at Work // *Dubitando: Studies in History and Culture in Honor of Donald Ostrowski* / Ed. by B. Boeck, R. E. Martin, D. Rowland. Bloomington, IN: Slavica Publishers, 2012. P. 285–300.

Lethal Convictions: The Power of a Satanic Paradigm in Russian and European Witch Trials // *Magic, Ritual, and Witchcraft*. 2011. Vol. 6, № 1. P. 34–61. © 2011 University of Pennsylvania Press.

Torture, Truth, and Embodying the Intangible in Muscovite Witchcraft Trials // *Everyday Life in Russian History: Quotidian Studies in Honor of Daniel Kaiser* / Ed. by G. Marker, J. Neuberger, M. Poe, S. Rupp. Bloomington, IN: Slavica Publishers, 2010. P. 359–373.

Coerced Confessions, or If Tituba had been enslaved in Muscovy // *The New Muscovite Cultural History: A Collection in Honor of Daniel B. Rowland* / Ed. by V. Kivelson, K. Petrone, N. S. Kollmann, M. Flier. Bloomington, IN: Slavica Publishers, 2009. P. 171–184.

What was Chernoknizhestvo? Black Books and Foreign Writings in Muscovite Magic // *Rude and Barbarous Kingdom Revisited: A Festschrift for Robert O. Crummey* / Ed. by C. S. L. Dunning, R. E. Martin, D. Rowland. Bloomington, IN: Slavica Publishers, 2008. P. 1–15.

Введение

Моральная экономика отчаяния в России XVII века

В 1626 году воевода провинциального города Дедилова, что неподалеку от Курска, выдвинул обвинения в занятии колдовством против Якушки Щурова, местного служилого человека. Поводом послужила явная улика — корень, засунутый за пояс. Обладания этим корнем было вполне достаточно, чтобы доставить Якушку в суд; последствия могли быть самыми серьезными. Перед лицом столь красноречивого свидетельства Якушка признал себя владельцем корня, но настаивал на том, что не делал с его помощью ничего дурного. Корень оказался настолько безобидным, что Якушка съел его в присутствии судьи, «и ему от того корени ничего не учинилось». Несмотря на это представление, Якушка дважды был подвергнут пыткам, во время которых его рассказ обогатился подробностями. Находясь в Новосиле, на южных рубежах страны, он получил этот корень от некоего человека по имени Весела Неустройка, о котором больше ничего не знал, включая и то, чьим крепостным тот мог бы быть. Во время пыток (о видах которых ничего не говорится) Якушка признался, что использовал корень в качестве привораживающего средства:

И с тем де он коренем ходил для воровства курчанина сына боярского к Сидоркове жене Костянтинова. И в прошлом де во РЛГ [1624/1625] тот сын боярской Сидорко ево Ивашка у жены своей поимал и его бил и ограбил. И он де того грабежу на нем искал перед Иваном Шастовым и тот де у него корень вывезал ис подпояски губной дьячок, а оприч де того кореня и он Ивашко никакого кореня не знает и ни над кем никакова дурна не дельывал¹.

¹ РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стлб. 2725. Л. 40–42.

Отчет об этом деле, где обвиняемыми были служилые люди низкого положения, а главой суда — воевода в отдаленном провинциальном городе, был послан непосредственно царю или, по крайней мере, тем, кто действовал от его имени в Разрядном приказе, ведавшем войском. Затем дедиловским властям сообщили о приговоре: Якушку следовало отпустить и восстановить в прежнем состоянии, но при этом он обязан был «дать на крепкую поруку во всяком воровстве что не каким воровством не воруют и ведовство не промышляет, и трав и коренья у себя лихово не держать»².

Двадцатью годами позже (1647) другого человека обвинили в обладании «неистовыми письмами». Юрий Шестаков, писец Земского приказа, отвечавшего за сбор налогов, сообщил своему начальству, что встретил на берегу реки близ Новоспасского монастыря в Козлове — укрепленном пункте на южной границе — монастырского служку, читавшего эти самые «неистовые письма». Вырвав их из рук служки, Юрий надлежащим образом отослал их в приказ, скрепив своей печатью, «а имя тому служку Юрьи не сказал для того чтоб тот служка про то проведав не ухоронился». В бумагах указывается, что служку нашли и он назвал свое имя: Гарасимко Константинов. Дело немедленно довели до сведения верховной власти, и уже через несколько дней Гарасимко оказался в Москве, где его принялись допрашивать высокопоставленные сановники. Их интересовало, «те еретические тетратки ево ли письмо и будет те тетратки писал он Гарасимко и хто ему такому воровству учил и у кого он списывал». Тетрадки, как выяснилось в суде, содержали слова «раб Божей Гарасим», повторявшиеся неоднократно. Гарасимко также признался в том, что у него имелся заговор против пулевых ранений. Эти тексты могут показаться совершенно невинными, но они не выглядели таковыми в глазах приказных бояр, устроивших Гарасимке допрос перед пыточными орудиями. После этого он был «пытан накрепко. Подыман двожды было ему 42 удара и голова острижена и вода на голову лита. И огнем

² Там же. Л. 42.

зжен накрепко». Итак, к неосмотрительно сделанным записям отнеслись очень серьезно. Наконец, второго октября, после четырехмесячных мучений, «государь пожаловал велел его из за пристава дать на крепкую поруку»³.

По всей христианской Европе церковные и светские суды в конце XVI и в XVII веках решали судьбу десятков тысяч предполагаемых ведьм и колдунов — допрашивали, выносили приговоры, казнили. Православная Россия включилась в этот процесс с опозданием, в начале XVII века, но ее власти проявили завидный энтузиазм в преследовании колдунов и всех, кто практиковал магию⁴. До нас дошли материалы приблизительно 230 процессов, проходивших в светских судах, — около пятисот человек обвинялись в занятиях магией или ее использовании тем или иным образом⁵. Приблизительно то же количество дел дошло до нас и от XVIII века⁶.

В сравнении с гораздо более известными и впечатляющими процессами, приковывавшими к себе внимание всей Европы на протяжении XV-XVII веков, истории Якушки и Гарасимки выглядят довольно скромно. В их делах мы не видим ключевых нарративных элементов, которые рассчитывает встретить любой, кто хотя бы поверхностно знаком с колдовскими процессами на

³ Там же. Стлб. 565. Л. 6–21.

⁴ М. В. Корогодина полагает, что всплеск интереса к магии объясняется притоком с Балкан новых переводных книг на протяжении XVI века. Это соотносится с увеличением числа исповедных вопросов, касавшихся соответствующих грехов [Корогодина 2006: 204–205].

⁵ Я выявила 227 документов, созданных в XVII веке. Это не полный перечень, но по крайней мере достаточно представительная выборка сохранившихся дел, и мои выводы остаются неизменными по мере нахождения новых дел. Мне удалось установить пол 495 обвиняемых в 223 делах. Предположив, что в остальных четырех случаях обвинялось по одному человеку (документы не говорят о числе), мы получаем как минимум 499 человек, обвиненных в колдовстве.

⁶ Е. Б. Смилянская изучила «почти 200 следственных дел» за 1700–1740 годы, по которым обвинялись 168 мужчин и 36 женщин [Смилянская 2003: 65, примеч. 1]. Всего же в ее распоряжении имелось 240 дел [Смилянская 2003: 75, 143–145]. См. также [Лавров 2000: 116].

Западе, что особенно удивляет, если учесть, что их признания были вырваны с помощью многократных пыток. В Европе пытка почти всегда имела результатом красочные признания в сексуальных сношениях с демонами, в полетах на дальние расстояния благодаря особым мазям, крылатым тварям или метлам, в участии в черных шабашах, в заключении сделок с дьяволом, и часто — мрачные описания убийства детей, актов канибализма и оргий. Якушка же всего-навсего носил в кармане корень и порой наносил запретные визиты своей замужней подруге. Проступок Гарасимки состоял в том, что он держал в кошельке клочки бумаги, надеясь повысить свои шансы на выживание в бою. Обоих в конце концов отпустили, несмотря на ясные и осязаемые доказательства совершения ими преступлений, в которых они обвинялись. Не всем русским колдунам выносились столь мягкие приговоры: примерно 15 % тех, чьи приговоры дошли до нас, были казнены, почти 40 % — отправлены в ссылку, и столько же отпущены, наподобие Якушки и Гарасимки, «на крепкую поруку»: обвиняемый и его соседи подписывали бумагу, гарантировавшую хорошее поведение с его стороны и отдававшее его под надзор общины. Судьбы остальных были различны: кто-то умирал под пыткой, кому-то удавалось бежать из тюрьмы и исчезнуть навсегда, некоторых посылали в монастыри, где их ждали молитвы, покаяние и тяжелый труд⁷. Кроме того, по контрасту с типичными европейскими «колдунами», Якушка и Гарасимко были мужчинами. В Европе колдовство считалось почти исключительно женским занятием, что отразилось и в большинстве языков, здесь же перед нами — мужчины, которые по преимуществу и оказывались обвиняемыми на колдовских процессах в России. Официальные обвинения в колдовстве выдвигались против мужчин куда чаще, чем против женщин — хотя последние тоже представляли перед судом, и их истории оказывались в равной степени невпечатляющими.

⁷ Эти подсчеты сделаны на основе изучения материалов 87 процессов с известными приговорами, по которым обвинялось 193 человека: 74 (38 %) отправлены в ссылку, 71 (37 %) отпущены «на крепкую поруку», 27 (14 %) казнены.

В завершение нашего краткого вступительного слова о русских колдовских процессах приведем третий пример, в котором в использовании вредоносной магии обвинялись женщины. Этот случай имел место в Путивле, на юге страны, в 1682 году: местный воевода, князь Иван Никифорович Большой Белосельский, подал челобитную против вдовы Натальи Яцыной и ее дворовой холопки Настасьи. Воевода утверждал, что холопка пришла к нему домой, достала из-под одежды сосуд с «зельем» и обрызгала им порог, отделявший сени от горницы. И далее: «Дворовые мои ребята Гараска да та[та]рин Серешка которою со мною холопом твоим живут в хоромах ту ее наталину дворовою жонку Настьку с тем зельем изымали и привели в приказную избу. И я холоп твой⁸ велел дьяку Илье Колпакову ту приводную жонку Настьку <...> роспрашать». Во время первого сеанса пыток Настька признала, что обрызгала зельем порог воеводского дома. На втором допросе она добавила, что сделала это по приказу хозяйки, чтобы воевода, его жена и дети умерли «скорою наглою смертью». Видимо, магия подействовала: в своей челобитной воевода сообщал, что он и его близкие опасно больны. Это дело осталось в архивах только благодаря тому, что было обжаловано восемью годами позже, когда местный писец подал челобитную на воеводу, неправильно поведшего себя в этом деле. Писец заявлял, что обвинения в колдовстве были частью крупного внутрисемейного спора относительно собственности: различные ветви семейств Яцыных и Белосельских, состоявших в родстве, претендовали на одни и те же поместья, и эти сложные противоречия восстановили воеводу против его собственной мачехи, вдовы Яцыной. Эта поздняя челобитная проливает свет на семейную вражду, стоявшую за подозрениями воеводы: он знал, что у Яцыной есть причины питать неприязнь к нему, так как он и ее сын претендовали на одно и то же имущество. В материалах дела нет сколь-нибудь удовлетворительного заключения или пояснений по этому поводу⁹.

⁸ «Холоп твой» — обычная уничижительная формула при обращении представителей высших сословий к царю.

⁹ РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стлб. 2109. Л. 1–36.

Эти краткие примеры вынуждают нас сразу же поставить вопрос о терминологии. Можно задуматься над тем, уместно ли употреблять слова «ведьма / колдун» и «ведьмовство / колдовство» применительно к людям и практикам, к пониманию магии и ее механизмов, когда речь идет о России. Антропологи давно пытаются провести границы между различными видами сверхъестественного путем тщательной разработки терминологии. Обычно магию в большей или меньшей степени отделяют от религии — считается, что ее эффективность базируется на механическом исполнении обрядов и ритуалов, тогда как религия подразумевает призыв к высшим силам и достигает цели только в случае ответа божества. Э. Э. Эванс-Притчард предложил таксономию, ставшую широкоупотребительной и основанную на различении колдовства и волшебства. Согласно его терминологии, колдун обладает врожденными сверхъестественными способностями (например, «дурным глазом»), тогда как волшебство — искусство, которому учатся [Evans-Pritchard 1976]¹⁰. Несмотря на свою полезность, это четкое разграничение не слишком помогает в исследовании динамики развития как европейского, так и русского колдовства. В России подозреваемые обычно говорили, что переняли свои умения от других, приобрели их самостоятельно или же получили через видение. Порой, однако, за ними признавали врожденные способности (опять же, «дурной глаз», позволяющий насылать порчу), а следовательно, противопоставление врожденного и выученного, как и прочие попытки провести разграничение и дать четкое определение, не приносит желаемых результатов¹¹. Как правило, историки подходят к определениям

¹⁰ Ричард Кикхефер отмечает, что эта идея восходит к религиозной полемике XVI века, и находит ее в конечном итоге «беспользительной применительно к средневековому материалу»: [Kieckhefer 1990: 14–15]. В частности, она стояла за нападками протестантов на католические ритуалы и священников, совершавших (магические) таинства. Данное различие нашло отражение в антропологической мысли конца XIX и начала XX веков.

¹¹ О видениях: РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стлб. 17. Л. 54–61. О дурном глазе («уроках»): Там же. Стлб. 426. Л. 100–109, 114–123, 148–153; Стлб. 564. Л. 154–234; Белгородский стол. Стлб. 284. Л. 425–447; [Новомбергский 1906, № 9: 40–53].

более прагматично. Так, например, в одной работе колдовство определяется как «практика *maleficium* [причинение вреда с помощью сверхъестественных средств], часто, но не всегда, подразумевающая воображаемую связь колдуна с дьяволом или демоническим существом, таким как фамильяр». Согласно другому автору, «вера в колдовство — это приписывание ему случившихся несчастий в попытке скрыть следы деятельности человека» [Rowlands 2009: 4; Thomas 1971: 436]. Русское колдовство отвечает последнему, более практическому определению. Считалось, что колдуны причиняют вред, манипулируя сверхъестественными силами. В этом исследовании я предпочитаю придерживаться тех различий, которые проводятся в источниках. К русским христианам, практиковавшим магию, обычно применялись термины «колдовство», «ведовство», «волшебство», «чернокнижество», «чародейство», а к представителям нерусских, нехристианских народностей — «волховство» или «волхование»¹². Это правило не было жестким, но действовало в большинстве случаев.

Целители, произносившие заговоры над снадобьями, или гадатели, бросавшие кости для предсказания судьбы, могли быть обвинены в колдовстве, но в большинстве случаев этого не случалось. В России насчитывалось множество практик, которые при одних обстоятельствах можно было охарактеризовать как магические, а при других — счесть полностью приемлемыми. В отсутствие медиков, предоставляющих помощь на профессиональной или «научной» основе — которая могла бы послужить более достойной альтернативой, — обитателям Московского государства приходилось прибегать к церковным обрядам, лечиться домашними средствами или обращаться к бродячим знахарям¹³. Повсеместное распространение магического цели-

¹² Н. М. Гальковский также придерживается мнения, что термин «волхвы» применялся в отношении нерусских и, возможно, язычников: [Гальковский 1916: 131–142]. М. В. Корогодина так не считает: [Корогодина 2006: 206]. О применявшихся терминах см. [Райан 2006: 112–113].

¹³ О западных врачах в Московском государстве см. [Collis 2013; Dumschat 2006; Levin 2010; Unkovskaya 1999].

тельства с использованием корней и трав заставляет искать ответа на непростые вопросы: почему так мало случаев дошло до суда и как решалось, что следует оставить без внимания, а что, напротив, считать серьезным преступлением? Как видно из данных в суде показаний, случай из заурядного превращался в возмутительный, если приводил к тяжелым последствиям либо становился последствием ожесточенной личной вражды, но особенно — если в нем видели нарушение моральных норм.

Русские колдовские процессы остаются малоисследованными, притом что список научных работ, посвященных европейскому и североамериканскому колдовству, велик и постоянно пополняется. Созданные начиная с 1970-х годов труды, охватывающие обширную территорию от Германии до Салема, дают прекрасную возможность познакомиться с жизнью, опытом и ментальностью людей, чей мир обуславливался теми или иными системами верований, гендерными режимами и материальными ограничениями. В последнее время исследователи начинают проявлять интерес к источникам по колдовским процессам и верованиям, связанным с колдовством, на европейской периферии, особенно в Восточной и Северной Европе. Исключительное богатство европейской историографии захватывает дух, но одновременно обескураживает. Как можно сказать новое слово в области, полной блестящих ученых и превосходных книг? Рольф Шульте вскользь упоминает, что его исследование о мужчинах-колдунах в Центральной Европе потребовало анализа данных из восьмидесяти двух монографий, вышедших до 2007 года: каждая из них касалась территорий, входивших в состав Священной Римской империи, и отвечала его строгим научным критериям [Schulte 2009a: 54]. Если расширить географический охват (или ослабить строгие критерии, основанные на количественных показателях), работ окажется еще больше. Еще одно нишевое исследование, посвященное колдовским процессам в еще одной периферийной европейской стране, выглядит не слишком необходимым.

И все же, как было сказано выше, колдовство в России имело свои особенности, которые делают его изучение особенно заманчивым: оно может служить для анализа колдовства как кросс-

культурного феномена (как контрольный пример или предмет контролируемого исследования), а также для лучшего понимания повседневной жизни рядовых жителей Русского государства — которое чрезвычайно затруднено, учитывая повсеместную неграмотность. Как я надеюсь, «Магия отчаяния» поможет дать ответы на важнейшие вопросы, касающиеся российской истории, и внесет вклад в традиционные сравнительные исследования колдовства.

Что отличает Россию на общем фоне? Первое и самое разительное: если на христианском Западе, от Польши до Новой Англии, за исключением небольших территорий, в колдовстве обвинялись почти исключительно женщины, то в России гендерное соотношение было обратным: 75 % обвиняемых были мужчинами. Второе: на Западе связь между колдовством и Сатаной считалась неопровержимой исходной посылкой, всеобъемлющим объяснением зловещей действенности магии (в большинстве стран Западной и Центральной Европы — с начала XVI века, в Скандинавии, Прибалтике и Новой Англии — с середины XVII), в России же эта связь оставалась нечеткой, слабо разработанной и редкоупоминающейся. Третье, возможно, наиболее характерное отличие: тревоги и заботы, заставлявшие русских людей прибегать к магии, во многом не совпадали с теми мотивами, которые лежали в основании западноевропейской магии.

В России, где рациональное богословие пребывало в дремлющем состоянии, на понимание феномена колдовства и создание соответствующих теоретических построений почти не направлялось интеллектуальных усилий. Связь колдовства с бесами и Сатаной оставалась неразработанной. Как и везде, бесплодие, болезнь, смерть и пропитание были важными поводами для магического вмешательства, благотворного или вредоносного. Однако в России существовала и другая категория проблем, неизменно обнаруживавшая себя в судебных делах — и редко замечаемая западными исследователями. Основной из них были произвол и бесчинства внутри иерархической системы как следствие безысходности, заставлявшей людей искать магиче-

ские решения своих проблем. Магия предоставляла человеку средства для того, чтобы осознать свое тяжелое положение жертвы патриархальных отношений, крепостной зависимости, социального неравенства — и улучшить это положение. Эти моменты отмечаются и в материалах западных процессов, но куда реже и в качестве скорее привходящего, чем главного фактора.

К магии обращались не одни только представители социальных низов — нищие, жены, притесняемые мужьями, крепостные, холопы. Так поступали люди всех сословий в надежде избавиться от старшего по положению, склонного к жестокости, или смягчить его нрав, будь то с помощью невинных или не столь невинных средств. Холопка, терпящая издевательства от хозяина, и боярин, желающий заслужить расположение царя, — оба они прибегали к магии, рассчитанной на то, чтобы снискать милость более могущественной персоны и отвести от себя ее карающую руку: *«Пусть муж будет со мной ласков и перестанет меня бить»*; *«Пусть родня мужа (жены) меня полюбит»*; *«Пусть хозяева не мучают меня огнем и цепями»*; *«Пусть военачальник не посылает меня на верную смерть»*; *«Пусть судья примет решение в мою пользу»*; *«Пусть мой покровитель при дворе поможет мне в тяжелой ситуации»*; *«Пусть царица заступится за меня»*; *«Пусть царь ласково на меня посмотрит»*. В этом и заключалась суть русской магии: воображаемое, сплетенное с суровой физической реальностью, а также структурами и ограничениями, проявлявшими себя в повседневной жизни. Каждый, независимо от своего места в социальной пирамиде, испытывал острейшую потребность в том, чтобы повлиять на волю старшего по положению, и не имел для этого никаких других средств. Итак, магия была порождением отчаяния, неразрывно связанного с общественным порядком.

Своеобразие российской магии сформировалось под влиянием структур иерархии, зависимости и крепостничества, становившихся на протяжении XVII века все более жесткими и угнетающими. Понятие моральной экономики может оказаться полезным для выяснения того, каким образом магия стала

продуктом этой действительности и реакцией на нее. В научном контексте его впервые применил Э. П. Томпсон в своей статье «Моральная экономика английской толпы» (1971), оказавшей большое влияние на исследователей. Впоследствии оно получило широкое распространение, оказавшись крайне продуктивным для объяснения различных явлений в исторических исследованиях и других дисциплинах. Опираясь на сведения о взаимодействии между участниками английских «хлебных бунтов» XVIII века и представителями властей, Томпсон создал модель, применимую к различным культурам. «Жалобы — читаем мы в его статье, — проистекали из сложившегося в народе консенсуса относительно того, что есть законные и незаконные практики... Вызов этим нравственным представлениям обычно служил поводом для прямого действия не в меньшей степени, чем лишения» [Thompson 1971: 78]¹⁴. И хотя в те времена уже существовали новые понятия, связанные с капиталистическим товарообменом и способные объяснить изменение цен в зависимости от спроса, «большинство доводов в экономическом споре оставалось — независимо от того, какая из сторон их выдвигала — доводами нравственного порядка, соотносясь по преимуществу с моральными императивами (какие обязательства *должны* брать на себя государство, землевладельцы или торговцы)» [Thompson 1991: 269]. Власти предречащие «в чрезвычайных обстоятельства немедленно возвращались к прежней [протекционистской, патерналистской] модели. В этом смысле они до какой-то степени были пленниками народа, сделавшего отдельные элементы этой модели своим правом и наследием» [Thompson 1971: 78, 90]. С точки зрения Томпсона, участвовавшие в голодных бунтах стремились не к слому системы, а скорее к ее восстановлению в прежнем виде, желая призвать власти к исполнению своего законного долга и установить приемлемые границы эксплуатации и сопротивления.

¹⁴ Единственное применение этой концепции к вопросам колдовства я нашла в [Austen 1993], где акцент делается на экономической и теоретической сторонах проблемы.

Понятие моральной экономики дает теоретическую основу для понимания того, почему русская магия так часто использовалась в узловых точках иерархического порядка, где применение власти сталкивалось с нравственными ограничениями. В России экономические отношения (как и политические, и вообще властные) определялись личными отношениями, основанными на покровительстве и зависимости. Подданные царя подразделялись и воспринимались на основании того, кто был их покровителем или хозяином. Предельно личностные, персонализированные отношения зависимости давали возможность просить вышестоящего о милости и защите. Обращаясь к царю, подданные называли себя «холопами» и «сиротами», униженно напоминая о его обязанности защищать и оберегать их, и этот подобострастный язык — отражение зависимости — употреблялся на всех ступенях социальной лестницы при обращении к хозяевам и покровителям. На протяжении XVII века люди постепенно переходили в разряд собственности, по мере того как крепостное право становилось юридической и повседневной реальностью; по-прежнему было широко распространено и холопство¹⁵. Хотя термины, связанные с отношениями собственности, пока еще не применялись к людям, выяснение того, «за кем» живет тот или иной человек (то есть в чьей власти он находится), стало важнейшим фактором установления его идентичности¹⁶. Размывая до предела различия между общественным и частным, такая тесная, личная зависимость порождала эксплуатацию и уродливое насилие там, где патронажные, родственные и семейные связи создавали опасную близость.

¹⁵ Крепостные по преимуществу занимались земледелием, тогда как холопы выполняли обязанности, обуславливающие их большую близость к хозяевам: прислуживали по дому, были приказчиками в имениях, набирались в отряды, которые обязан был выставлять помещик.

¹⁶ Благодаря Екатерину Правилову, обратившую мое внимание на изменение языка с течением времени. В XVII веке термин «владеть» относился главным образом к имуществу. В одном случае женщина использует его, выражая надежду, что хозяин перестанет «употреблять» ее в сексуальном смысле: РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стлб. 1859. Л. 148–149.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru